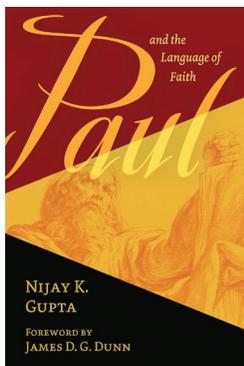


## РЕЦЕНЗИИ



Nijay K. Gupta

### PAUL AND THE LANGUAGE OF FAITH

Grand Rapids: Eerdmans, 2020. Pp. xiii + 225.  
ISBN 9780802873439

УДК 27-248.3

DOI: 10.31802/BSCH.2024.3.8.007

---

Дискуссии вокруг Павлова термина *πίστις* породили множество исследований современной библеистики. Каждый автор строит предположения о том, как именно понятия *πίστις*, *πίστεως* [Ἰησοῦ] Χριστοῦ, *δικαιοσύνη*, *ἐν Χριστῷ* [Ἰησοῦ], *σωτηρία* и другие относятся друг к другу, к жизни в средиземноморском мире апостола язычников в первом веке и к христианской жизни сегодня. В полемику с известными учеными вступает Ниджай Гупта в своей рецензируемой амбициозной работе «Павел и язык веры», в которой предлагается своего рода синтетическая смесь семантического, культурного, лингвистического и контекстуального анализов языка веры у апостола язычников. Автор монографии утверждает, что «заветный пистицизм» лучше всего способствует пониманию Павловых моделей религии (ix, 18–19, 154–55). Заветный пистицизм Гупты отвергает изображения *πίστις*, которые «относятся к ... своего рода пассивному полаганию на Христа», и в качестве альтернативы предлагает, чтобы Павлова *πίστις* предполагала «реляционную динамику завета... которая ожидает верности и взаимности с доверием в основе» (ix, 143).

Цель Гупты — «выйти за рамки слишком упрощенных, жестко когнитивных и спиритуализированных определений термина *πίστις*» (94). Гупта задается вопросом, «является ли вера активной или пассивной», а также о том, как *πίστις* следует переводить и понимать: как «веру», «верность» или что-то другое — предостерегая от бинарных концепций «или-или» и объясняя сложное созвездие пересекающихся и взаимодействующих между собой понятий (ix, 91–93). Таким образом,

Гупта представляет одиннадцать глав, охватывающих широкий спектр вводных эпистемологических вопросов вплоть до рецепции и дебатов по поводу языка веры в Писании, которые можно проследить до блж. Августина (ix), использования  $\lambda\acute{\iota}\sigma\tau\acute{\iota}\varsigma$  в древней языческой и иудейской литературе, языка веры в так называемой «традиции Иисуса» и Корпусе Паулиnum, а также нюансы «веры» и «убеждения», равно как и их значение и последствия для следования за Христом. Монография включает в себя двадцатитрехстраничную библиографию и полезные указатели имен и предметов, а также Священного Писания и других древних текстов для дальнейших исследований.

Глава 1 знакомит с разногласиями комментаторской традиции по поводу языка веры св. Павла и объясняет три основных методологических подхода к работе: (1) семантико-доменный подход к значениям слов (Гупта признает, что «семантические нюансы» для одного слова могут «пересекаться с несколькими широкими категориями»); (2) использование культурной лингвистики (слова неразрывно связаны с «их культурным наследием»); и (3) контекстуализированное значение, в котором «литературный контекст» является ключевым (18–19).

Гупта раскрывает «три проблематичные тенденции», характерные для религиозного использования «языка веры» (2–5, 7–9), а затем предлагает контекстуально обусловленный «спектр» категорий для термина  $\lambda\acute{\iota}\sigma\tau\acute{\iota}\varsigma$ , в частности: «повиновение веры», «верующая вера» и «доверяющая вера» (9–13, 178–81). Следуя трудам Люка Тимоти Джонсона, Гупта объясняет, что семантический диапазон «слова Януса» (в смысле его «многоликости»)  $\lambda\acute{\iota}\sigma\tau\acute{\iota}\varsigma$  гораздо шире, «полиморфичнее» и «поливалентнее», чем это допускают глоссы «вера» или «верность» (3, 7, 9, 152, 177). По мнению Гупты,  $\lambda\acute{\iota}\sigma\tau\acute{\iota}\varsigma$  включает в себя «всю личность», а не только ум/сердце.  $\lambda\acute{\iota}\sigma\tau\acute{\iota}\varsigma$  — это «активный способ восприимчивости», «доверие к», а не пассивное «согласие», предполагающее физическое и умственное участие в христианской жизни (3, 5–6, 14, 17). Гупта полагает, что язык веры св. Павла основан на Септуагинте и сосредоточен на «заветных отношениях», а также «целостности доверительных отношений» (5–6).

Глава 2 предлагает взглянуть на историю экзегезы  $\lambda\acute{\iota}\sigma\tau\acute{\iota}\varsigma$ , начиная с ранних трудов свт. Климента, который подчеркивал  $\lambda\acute{\iota}\sigma\tau\acute{\iota}\varsigma$  как «волевое... послушание» и выносливость к страданиям, до современных толкователей, предлагающих более «когнитивное» или «ответное» понимание (19, 21–22). Гупта прослеживает когнитивное понимание  $\lambda\acute{\iota}\sigma\tau\acute{\iota}\varsigma$  до «Энхиридиона» блж. Августина, однако отмечает, что последний,

как и, по его мнению, Лютер и св. Павел, никогда не указывал на неразрешимые противоречия между верой и делами (24, 37, 183–85). Гупта уделяет также особое внимание «ключевым ролям» для «лютеранского толкования» и экзегезы Рудольфа Бультмана в протестантизме (19, 21, 24–28, 34–37).

В главе 3 Гупта рассматривает звучание  $\lambda\acute{\iota}\sigma\tau\iota\varsigma$  в древнем языке-стве (от Дионисия Галикарнасского до греческих папирусов и личных писем) и «иудейских текстах» («Септуагинта, Ветхий Завет Псевдоэпиграфы, Филон и Иосиф Флавий»), что «позволяет взглянуть на широту использования и интересные модели развития»  $\lambda\acute{\iota}\sigma\tau\iota\varsigma$  (19, 39). Гупта предполагает, что «подавляющее большинство» этих употреблений «относится к верности в отношениях» или «преданности» и формирует культурно понятную основу для собственного понимания св. Павлом  $\lambda\acute{\iota}\sigma\tau\iota\varsigma$ , которое он не создавал «ex nihilo» (39, 56, 78–79). Апостол язычников, по мнению автора монографии, использует  $\lambda\acute{\iota}\sigma\tau\iota\varsigma$  для объяснения отношений Нового Завета с Яхве, «которые возникают через отношения с Христом» (57). Несмотря на все анахронизмы, связанные с тем, что Павловы послания предшествовали каноническим Евангелиям, в главе 4 рассматривается использование  $\lambda\acute{\iota}\sigma\tau\iota\varsigma$  в т. н. «традиции Иисуса», которая «должна была сыграть определенную формирующую роль в том, как Павел думал о языке веры и использовал его» (19, 76). Несмотря на то, что между апостолом язычников и евангелистами существует, по мнению автора монографии, много различий в использовании слова  $\lambda\acute{\iota}\sigma\tau\iota\varsigma$ , св. Павел у Гупты «резонирует» и может «повторять» язык веры Иисуса, особенно у св. Евангелиста Матфея (73, 75–76).

В главах 5–9 исследуется язык веры апостола язычников в посланиях 1 к Фессалоникийцам и Филиппийцам (гл. 5), а также в коринфской переписке (гл. 6 — 7), письме к Галатам (гл. 8) и к Римлянам 1:16–17 (гл. 9). По мнению Гупты, в 1 к Фессалоникийцам и Филиппийцам  $\lambda\acute{\iota}\sigma\tau\iota\varsigma$  представляется в терминах человеческой «верности» или «преданности» (80, 94), в то время как 1–2 послания к Коринфянам исследуют когнитивные, эпистемологические и образные элементы  $\lambda\acute{\iota}\sigma\tau\iota\varsigma$ , которые переориентируют то, что Гупта называет «саркической перспективой» («плотской перспективой», от греч.  $\sigma\acute{\alpha}\rho\chi$  «плоть»), на перспективу христоцентричную, « $\lambda\acute{\iota}\sigma\tau\iota\varsigma$ -линзу» (114, 132–33). То, что многие современные библеисты (в особенности сторонники т. н. «Нового взгляда на Павла» — *The New Perspective on Paul*) называют «заветным номизмом», Гупта именует «расщепляющим атомы разделением у Павла на  $\lambda\acute{\iota}\sigma\tau\iota\varsigma$  и  $\nu\acute{o}\mu\omicron\varsigma$ » в активно иудейском «заветном пистицизме» (135–37).

Иными словами, с точки зрения автора монографии, «подход Павла к религии напоминает его прежнюю жизнь (особенно в плане понимания как Божьей благодати, так и требований), но после встречи со Христом он стал ориентироваться не на Тору, а только на Христа» (140, 154–55).

В главе 9 исследуется интертекстуальность апостола язычников и то, как «сценарная подоплека» Авв. 2:4 формирует использование св. Павлом  $\lambda\acute{\iota}\sigma\tau\acute{\iota}\varsigma$  в Рим. 1:16–17 (19–20). Гупта справедливо утверждает, что апостол язычников не был «корректором» Авв. 2:4 и не «изобретал» особое Паулинское христианство в послании к Римлянам (169). Скорее, по мнению Гупты, это письмо демонстрирует всеобъемлющую «доверчивую веру», риторически сфокусированную на доверии/приверженности Богу через Христа, а не Тору, « $\lambda\acute{\iota}\sigma\tau\acute{\iota}\varsigma$ -определяемый способ жизни с Богом», «*deus absconditus*» (160, 167–69).

Ни одно исследование языка веры св. Павла не было бы полным, если бы оно не затрагивало (хотя бы на каком-то уровне) широко известной в научной библеистике дискуссии о  $\lambda\acute{\iota}\sigma\tau\acute{\iota}\varsigma$  Христу. Глава 10 не разочаровывает в этом плане, поскольку Гупта дает интересные доводы, отдавая предпочтение объективному подходу (172–73), но в конечном итоге симпатизируя «третьему взгляду» Шлиссера и других, который воспринимает  $\lambda\acute{\iota}\sigma\tau\acute{\iota}\varsigma$  Христу как «реляционный генитив» (174–75).

В главе 11 лаконично обобщаются полученные данные, приводятся следствия и пути продвижения вперед в понимании  $\lambda\acute{\iota}\sigma\tau\acute{\iota}\varsigma$  как неисчерпаемого «напряженного символа» и «слова, обозначающего комплекс взаимосвязанных идей» (180–81). Гупта предполагает, что термин  $\lambda\acute{\iota}\sigma\tau\acute{\iota}\varsigma$  стал «иносказанием» Павла, его «сокращением для разговора о христианстве» и причастном «христоотношении» (181–84). И, наконец, «в христианстве семантические категории «вера», «доверие» и «верность» / «преданность» приводятся в качестве альтернативы монолитному английскому переводу «faith» (181–82).

Что касается достоинств рецензируемой книги, то Гупта выступает неплохим гидом по языку веры св. Павла, с достаточно ясной, читабельной прозой и полезными советами, чтобы читатели — от аспиранта до профессора — получили максимум пользы от его книги (20). Гупта также является довольно доброжелательным автором, который хорошо представляет данные и аргументы других людей, применяя справедливый и сбалансированный подход — даже для тех, с кем он не согласен. Наконец, Гупта предлагает достаточно свежие подходы к проблемным переводам, которые монолитно передают  $\lambda\acute{\iota}\sigma\tau\acute{\iota}\varsigma$  как «веру». Внимание Гупты к военной терминологии в послании к Филиппийцам в сочетании

с *πίστις* полезно подчеркивает «милитаристскую» миссионерскую стратегию апостола язычников и в то же время его «дружеский дух» в тяжелых условиях гонений за веру (90–91, 94).

Пожалуй, главный недостаток книги Гупты заключается в том, что она, как это ни парадоксально, недостаточно полно освещает язык веры в посланиях св. Павла. Помимо того, что в лексическом исследовании автора монографии пропущены многие случаи употребления *πίστεύω*, *πίστός* и других однокоренных слов, Гупта также опускает большую часть употребления св. Павлом термина *πίστις*. Он не включает в свое исследование «семь посланий к семи церквям» в кн. Откровения (92–93), а из всех 14 посланий апостола язычников в монографии вообще рассматриваются только шесть. К примеру, Гупта опускает письмо к Филимону и рассматривает Рим. 1:16–17, опуская оставшиеся стихи данного послания с тридцатью семью случаями употребления *πίστις*, а также другие письма апостола язычников с более чем пятьюдесятью тремя применениями *πίστις*. Таким образом, исследование Гупты опускает более 64 процентов случаев, когда термин *πίστις* встречается в Посланиях св. Павла.

В итоге, хотя работа Гупты вносит довольно значительный вклад в современную библеистику, дистанцируясь от пассивного и упрощенного прочтения *πίστις*, которое «чуждо» богатому разнообразию языка веры св. Павла, тем не менее, необходимы дальнейшие исследования, особенно на материале посланий, оставшихся незамеченными в данной книге, и на сопоставлении *πίστις* с другими «языками веры» (например, *ἐλπίς* и *ἀγάπη*) в древних библейских и внебиблейских текстах (23, 82–85). Далеко не все выводы и методологические подходы монографии будут приемлемы для православных библеистов, но, тем не менее, основательное знакомство с ней безусловно обязательно для всех исследователей мысли и богословия апостола язычников.

*Михаил Всеволодович Ковшов*